

Александр Иванович Куприн

Сильнее смерти

Александр Куприн
Сильнее смерти

«Public Domain»

1897

Куприн А. И.

Сильнее смерти / А. И. Куприн — «Public Domain», 1897

«...Он не нашел ответа на этот страстный вопрос. Он радовался тому, что уезжал, разрывая наконец эту тягостную, трехлетнюю, наскучившую связь, но смутное чувство жалости не позволяло ему быть жестоким. Зазвонил второй звонок...»

Александр Иванович Куприн

Сильнее смерти

- Прощай...
- Ах, нет, милый... Не говори: прощай... До свиданья...
- Прощай...
- Значит... никогда?
- Ты сама знаешь... прощай.
- Никогда?

Он не нашел ответа на этот страстный вопрос. Он радовался тому, что уезжал, разрывая наконец эту тягостную, трехлетнюю, наскучившую связь, но смутное чувство жалости не позволяло ему быть жестоким. Зазвонил второй звонок.

Сверху, с площадки вагона он видел ее, стоящую на платформе, такую маленькую и печальную, с таким давно знакомым, грустным лицом, в том же самом давно знакомом платье... И ему припомнился афоризм какого-то остряка: «Часто в любви бегство является победой». Он сказал с нетерпением:

– К чему нам в сотый раз тревожить одно и то же? Ведь и ты и я согласились, что разлука неизбежна. Она ответила еле слышно:

– Да. Ты этого хотел...

– А ты? Разве ты только что не соглашалась со мной? Или тебе еще мало тех унижений, которые мы перенесли в этом браке втроем?

Она молчала. Он мысленно нашел в ее взгляде сходство со взглядом умной и преданной собаки, которую только что побил сгоряча хозяин.

Звонок залился мелкой, длинной трелью, потом замер на мгновение, и один за другим прозвучали три медленных, громких удара.

Он сошел вниз, и она уже подняла вверх вуаль для прощального поцелуя, как вдруг внезапная мысль заставила ее отшатнуться.

– Дорогой мой, – прошептала она, задыхаясь. – Дорогой мой... еще одна последняя просьба...

– Что?

– Сейчас мы расстанемся... Навсегда... Я знаю, ты меня не любишь больше... Но... подари мне еще час... Смотри, – теперь без четверти одиннадцать. Дай мне слово, что сегодня в двенадцать часов ты обо мне вспомнишь... Ведь это тебе не будет трудно?..

Он засмеялся.

– Хорошо. В этом нет никакого труда. Но для чего ты просишь?

– Ты даешь слово?

– Да. Даю слово. Только зачем ты просишь меня об этом?

– Видишь ли. В это же самое время, минута в минуту, секунда в секунду, я буду думать о тебе. Думать со всем напряжением воли, со всей силой любви. Почему знать? Может быть, для воли не существует расстояний и мы увидимся еще раз.

– Как ты странно говоришь...

– Но помни, ты дал слово...

– Я его сдержу. Не беспокойся.

– Ты будешь думать, крепко, глубоко, страстно?

– Да, да. Прощай.

– До свидания...

Он сидел в купе и невольно следил за ритмическим постукиванием колес... Странно-радостное чувство свободы почти мгновенно исчезло из его души, уступив место неожиданной, тусклой, невыносимой тоске. Какая-то таинственная сила с неумолимой ясностью вызвала в его памяти самые тонкие, самые незначительные подробности этого романа, который он только что закончил, с облегчением прочитав его последнюю страницу. Почему не выходили из его ума эти две удивительные строки великого поэта:

Но, как вино, печаль минувших дней
В моей душе чем старей, тем сильнее?

Было около полуночи.

Ритм колес, колыханье красной занавески фонаря, нервные свистки паровоза не давали ему спать... А мысль все упорнее летела к печальной, маленькой, давно знакомой, покинутой женщине... Теперь этот гордый, свободолюбивый человек отдал бы и свою гордость, и свою свободу за возможность на один только миг увидеть брошенную им женщину. И вдруг, открыв глаза и точно очнувшись от минутной полудремоты, он увидел ее перед собою, сидящую на диване, покрытом полотняным чехлом... Она ничего не говорила, но глаза ее глядели с бесконечной любовью и молчаливым упреком.

– Кто ты? Зачем ты здесь?! – закричал он, вскакивая в ужасе со своего места.

Она печально покачала головой и вмиг рассеялась, расплылась, как предутренний туман. На другой день он узнал, что она отравилась в ту же ночь, когда он уехал из города.

1897